

UDC 130.2

DOI: 10.21146/1606-6251-2019-3/4-25-38

Б.В. МАРКОВ

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ГЕОФИЛОСОФИИ*

***Аннотация:** Цивилизационное развитие философы чаще всего сводят к истории идей и научно-технических открытий. Культурологи и антропологи занимаются длительной историей мировоззрений, верований и других традиций. В отличие от них специалисты по политической географии и биополитике обращают внимание на изменение природных факторов, обеспечивающих условия развития этносов. С целью подсоединения этих подходов можно использовать понятие «культурных ландшафтов», которые складываются как продукты духовного творчества людей, живущих в определенных природных и климатических условиях, а также опосредуются социальными, политическими, экономическими и техническими достижениями процесса цивилизации.*

В статье обсуждается вопрос о влиянии «внешних факторов» на «внутреннюю», субъективную реальность, на сознание людей. Не отрицая влияния внешних факторов, следует иметь в виду, что они определяют человеческое сознание весьма опосредованно и чаще всего только его простые акты.

***Ключевые слова:** этнос, геополитика, геофилософия, европоцентризм, ориентализм, славянофильство, евразийство.*

Марков Борис Васильевич – доктор философских наук, профессор. Санкт-Петербургский государственный университет. Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9; e-mail: b.markov@spbu.ru.

---

* Грант РФФИ № 19-011-00779. Тема «Нелиберальные концепции толерантности: история, практика, перспективы».

Что такое геофилософия? Прежде всего, следует уточнить, что понимать под цивилизационным развитием. Если согласиться, что различие культуры и цивилизации не терминологическое, а содержательное, если цивилизация характеризует, так сказать, внешние, материальные, технико-экономические, социальные, публичные процессы истории, а культура затрагивает духовные стороны человеческого сознания, то возникает проблема их подсоединения. В процессе антропогенеза цивилизация формируется как искусственная окружающая среда. Незавершенное от природы, неприспособленное к выживанию в естественных условиях человеческое существо пребывает в ней как в теплице, комфортабельность которой способствует его выживанию и развитию. Человек не только недостаточное, как считал А. Гелен, но и излишествующее, как утверждал Ф. М. Достоевский, существо. Достижения в сфере культуры удовольствий и развлечений бывают настолько утонченными, что нередко имеют негативные последствия в форме разного рода субверсий. Не удивительно, что как раз в обществах благоденствия проявляются такие конфликты и формы насилия, которых не было в традиционных обществах.

В работе Н. Элиаса «О процессе цивилизации» была предпринята попытка сравнения норм и кодов социального поведения, сложившихся в рамках традиционного и придворного общества [1]. Цивилизованное поведение, этикет, художественный вкус, правила хорошего тона, галантность характеризуют не только поступки, но и психогенез — формируют самодисциплину, предусмотрительность и расчетливость. В какой-то мере можно считать концепцию Н. Элиаса альтернативной, как веберовской теории о роли протестантской этики, так и зомбартовой теории роскоши, стремление к которой было мотором капитализма. Обе эти концепции цивилизационного процесса критиковал как европоцентристские Г.-П. Дюрр, написавший пятитомную эпопею, в которой раскрыл множество форм цивилизации у так называемых «диких» народов [2]. П. Слотердаик также доказывал в своем философском романе «Сферы», что только теплые межличностные отношения можно считать критерием того, что мы называем обществом [3]. Поскольку труды этих авторов вызвали широкое обсуждение, можно пред-

положить, что идея обращения к традиционным культурам в поисках лекарств от болезней западной цивилизации не является очередной утопией.

В рамках коммуникативной теории взаимодействие культур мыслится как диалог на публичной сцене, сопровождающийся критической рефлексией и аргументацией. В полемике представителей разных культурных миров обнаруживаются скрытые предпосылки — нормы и ценности, традиции и верования. Попытка их обоснования завершается ссылками на образ жизни и традиции, которые не подвергаются критической рефлексии, поскольку считаются само собой разумеющимися.

Нормы и коды поведения и соответственно формы проявления стыда отличаются в разных культурах. Прежде чем обсуждать вопрос о толерантности необходимо решить проблему понимания. Ориентирование в сфере науки и познания обычно происходит без помех, так как теоретические понятия контролируются экспериментами. Поскольку социальные, правовые и моральные нормы — это не теоретические утверждения, а ценности, получившие признание в той или иной культурной общности, то они предполагают нравственное признание. Вместе с тем, неверно считать ценностный выбор нерациональным. Опыт сравнения «своего» и «чужого» обнаруживает влияние тех или иных традиций в определенных исторических условиях. Это исключает их метафизическую абсолютизацию, но предполагает изучение повседневной жизни.

К сожалению, в условиях современности коммуникативная модель межкультурного диалога не способствует единству. Проект мультикультурализма, основанный на принципе толерантности, подвергается сомнению в ходе нарастания конфликтов. Они возникают там, где не ждали и не решаются путем переговоров. В результате непризнания прав друг друга нарастает хаос и средством решения конфликтов становится насилие. В этих условиях актуализируются нетолерантные модели, постулирующие не добро, а зло человеческой природы. Ещё Кант исходил в своей концепции вечного мира из недоброжелательности людей.

Несмотря на допущение «гена эгоизма», так называемое зло определяется не столько сознанием, сколько внешними матери-

альными, экономическими факторами. Их воздействие трудно преодолеть моральными наставлениями. Общества не являются продуктами общественного договора, они складываются в ходе проживания на определенной территории как этносы, народы, нации, объединенные языком, традициями, хозяйством, культурой. Их сознание определяется предпосылками, которые обычно не подвергаются рефлексии, так как воспринимаются как личные, экзистенциальные переживания, подлинность которых не вызывает сомнений.

Предпринималось множество попыток конструирования цивилизационного будущего России. Это споры славянофилов и западников, а также концепции старых и новых евразийцев. Политики тоже ищут новую национальную идею и возлагают большие надежды на религию. Возможно, она каким-то образом может и должна смягчать насилие, но фактом является и то, что даже так называемые мировые религии утратили свой вселенский характер. Схизма привела к тому, что они стали национальными религиями и нередко приводили к «священным войнам». К сожалению, и мультикультуралистские утопии не подтверждаются реальными процессами. Удивляет, что, несмотря на процесс глобализации, происходит не интеграция, а начинаются всё более ожесточенные торговые войны. То же самое в политике: требования деидеологизации сопровождаются информационными войнами. К сожалению, интенсифицируется уже забытый образ врага и происходит наращивание военного потенциала.

Прогнозирование будущего России сталкивается с методологическими затруднениями. Языки описания цивилизационного процесса в этнологии и культурологии, географии и биологии, физиологии и филологии, социологии и психологии, антропологии и теологии характеризуют качественно различные модальности исторического процесса. Оправданным и своевременным кажется опора на философию как универсальный язык межкультурного диалога. Вместе с тем, ее современные проекты, такие как герменевтика, структурализм, марксизм, позитивизм и феноменология явно исчерпали свои возможности. Представители этих «монотеорий», оберегая чистоту своих понятий, иногда доходят до обвине-

ний своих противников в ненаучности. Поэтому задача состоит в разработке трансдисциплинарной методологии исследования России как уникального культурно-географического региона. Геофилософия исходит из приоритета природного и культурного ландшафта. Не следует отождествлять геофилософский проект с геополитикой. Статус территории – земли, воды, неба, пищи, растений и животных составляет основу закона земли уже в первых мифах. Такие понятия греческой философии, как единое и многое, предел и беспредельное, теплое и холодное тоже опираются на геофилософские основания. Обилие географических метафор в философии Просвещения свидетельствует о влиянии мореплавания и колонизации на гуманитарный дискурс.

Развитие культуры Европы не сводится к производству идей в философских дискуссиях. Ж. Делез и Ф. Гваттари обратились к проекту геофилософии Э. Гуссерля: «Мысль осуществляется скорее через соотношение территории и земли» [4, 110]. Они предложили осмыслить становление европейской философии как уникальное событие встречи, которую обеспечил культурно-географический ландшафт. В частности, Средиземное море стало своеобразным «плавающим тиглем» различных цивилизованных и варварских культур Европы и Азии. «Греческое чудо» объясняется тем, что искусство ремесленников, учения философов и другие достижения восточной культуры были освоены греками, а пришельцы из Азии обрели в Греции свободу. Благодаря этому, в афинском полисе сложились главные предпосылки философии: любовь к обмену мнениями и созданию теорий, «агон» и «полемос», соединявшие дружбу и соперничество. В отличие от Гегеля и Хайдеггера, описывающих эволюцию «греческого духа», Делез и Гваттари считали появление философии в Греции не закономерным, а сингулярным событием соединения культурно-географических предпосылок [4, 113].

Дух и природа в становлении цивилизации. Если европейские философы чаще говорили о противостоянии Востока и Запада, то русские мыслители видели миссию России в синтезе этих цивилизаций. Например, Ф. М. Достоевский считал русскую идею духовной силой, способной объединить разные народы. Сталкиваясь с часто противоречивыми высказываниями писателя по славянско-

му вопросу, следует учитывать, во-первых, их контекст, во-вторых, различие позиций и точек зрения самого писателя. Он писал о единстве Европы и России как представитель мировой культуры, а об их принципиальном отличии как религиозный философ. В Пушкинской речи Достоевский говорил, что «наша всемирная отзывчивость помогает понять и в необходимой степени принять любое национальное мировоззрение, показать возможность синтеза, и благодаря этому открывает для народов путь к братству и общечеловеческому единению» [5, 148]. Задолго до Э. Саида он раскритиковал культурный империализм европейских писателей: «обращаясь к чужим народностям, европейские поэты чаще всего перевоплощали их в свою же национальность и понимали по-своему» [5, 145]. Этим высказываниям Достоевского созвучны утверждения В.С. Соловьева о том, что русский народ берет на себя миссию служить другим народам. Его последователь — Е.Н. Трубецкой, переживший опыт мировой войны, предложил идею «национального аскетизма», согласно которой следует не абсолютизировать веру в богоизбранность, а культивировать ответственность. Он искал такую форму единства, в которой возможно многообразие особенного [6, 309].

Ф. Ницше рассматривал Европу как «духовный ландшафт», а не как некую «большую нацию». Он выделял три корня Европы: во-первых, античную Грецию; во-вторых, иудео-христианскую религию; в-третьих, римскую культуру. Однако их влияние он расценивал неоднозначно. Считая образцом греко-римскую культуру, Ницше критиковал христианство за то, что оно привело к её деградации. Иудаизм он расценивал амбивалентно. С одной стороны, открытие морали и единого абсолютного бога оказало сильнейшее влияние на становление современной Европы. С другой стороны, вера в богоизбранность народа Израиля означает, что моральные заповеди значимы только для него и ни для кого другого.

Недоверие к идеальным конструкциям ума и взятие на себя ответственности за то, что происходит в мире, опора на волевое начало, а также право, собственность, слава, богатство и другие римские ценности стали, по Ницше, ориентирами развития будущей Европы. Её агентами являются не только философы и критики, но и мо-

реплаватели, путешественники, разного рода авантюристы, покинувшие родину в поисках новых богатств и руководствующиеся новыми ценностями, которые способствовали завоеваниям.

Ницше утверждал, что национализм является следствием морализма, ослабившего дух Европы. «Эта самая *враждебная культура* болезнь и безумие, какие только возможны, — национализм, эта *pevrose nationale*, которой больна Европа, это увековечение маленьких государств Европы, *маленькой* политики: они лишили самую Европу ее смысла, ее *разума* — они завели ее в тупик» [7, 759]. Весьма необычно для своего времени Ницше оценивал процессы миграции. Он высмеивал обывательские разговоры о нашествии евреев и опасности русских, критиковал англичан за их меркантилизм и отдал должное аристократизму французов. Высмеивая ксенофобию, Ницше предлагал удалить из Европы не евреев, а антисемитов, и поддерживать межнациональные браки.

Исследуя отношения культур, Н. Я. Данилевский пришел к выводу, что они оказываются не статичными, а динамичными [8, 250]. На основе этой модели евразийцы отказались от панславизма и развивали тезис о полицентризме российской цивилизации. Основой «нового евразийства» Л.Н. Гумилева стало геополитическое положение России. Истоки рождения государственного и культурного своеобразия России он относил к временам противоборства цивилизаций леса и степи. Поскольку в древности численность населения ограничивалась количеством пищевых ресурсов, войны поддерживали определённый биоценоз. Вместе с тем, приспособленность к определенной биосфере не предполагала широкомасштабных истребительных войн. По мнению Гумилева, этносы, которые только приспосабливаются к природному ландшафту, уступают народам, создающим искусственную среду обитания. Наоборот, этносы в творческой фазе развития ассимилируют завоевателей, в результате чего возникает новый молодой народ, соединяющий разные способы освоения ландшафта [9, 402].

Кажется, что новые технологии глобализации сделали достоянием истории рассуждения о людях моря и людях степи. Однако в периоды кризисов в сознании людей просыпаются старые симво-

лы, сохранившиеся в памяти культуры. Мыслить ли сегодня этносы как политические конструкторы или наподобие организмов. В этом случае нужно учесть, что их взаимодействие с внешним окружением опосредовано разного рода фильтрами и защитными системами – границами, в том числе и символическими. Использовать понятия тела и организма применительно к этносам, государствам, человечеству в целом нужно осторожно. Всё-таки «коллективное тело» – это метафора. Поэтому необходима более широкая «синергетическая» модель, в рамках которой существует механизм подсоединения духовной и материальной, внешней и внутренней стороны этноса. Несмотря на свою неприспособленность к определённой естественной среде, человек может жить в самых разных и подчас суровых условиях. Это зависит не только от возможностей организма. Люди способны к терпению, прощению и состраданию. В древности отказ от мести обеспечивался институтом жертвоприношения. Рефлексия способствует учреждению законов, религия – появлению морали. Общество, в котором существует философия, способно критически оценивать само себя и изменяться, чтобы не погибнуть.

Несмотря на крики об отчуждении, вырождении, упадке, старении этносов, оторванных от природных корней, очевидно, что формальные отношения связывают массы людей в современном обществе гораздо эффективнее, чем кровнородственные или дружественные связи. Мораль и разум, собственность и право – это весьма прочные скрепы общества, доказавшие свою надёжность на протяжении долгого времени. Поэтому возникает сомнение, можно ли сегодня говорить о роли этносов в мировой истории, существуют ли они сегодня, а если существуют, то в какой форме себя проявляют? Наконец, можно ли переносить представления этнологов и антропологов о доисторических этносах на современность? Если в прошлом этносы действительно были связаны с природными условиями, с экологическими нишами и ландшафтами, то в современном обществе они существуют как символические формы, наподобие мифов. Поиск идентичности, открытие «корней» – это скорее идеологический, а не естественно исторический продукт.

Настораживает тот факт, что этнос как вторичный миф часто приводит не к литературным, а практическим действиям. Возникает подозрение, что этнос не остался в прошлом, а каким-то образом продолжает существовать и определяет ход истории. К этому предположению приводит современное «переселение народов», которое происходит под влиянием уже не столько климатических и географических, сколько геополитических факторов. Волна миграции заставляет вспомнить о теориях, объявленных устаревшими и не толерантными.

Современная миграционная политика явно не соответствует «экологическим» критериям. Беженцев размещают в специальных лагерях и оказывают гуманитарную помощь. Их прежние навыки и способности оказываются невостребованными, а новыми технологиями они не владеют и поэтому не могут конкурировать с европейцами. Если они приспосабливаются к новому образу жизни, то теряют культурную идентичность. Но биологические и географические факторы культурогенеза продолжают действовать. В процессе глобализации расстояния между разными народами как бы сжимаются, а границы становятся прозрачными. В результате неконтролируемой миграции может произойти нарушение «критической массы». За счёт более высокой рождаемости мигранты могут оказаться в большинстве на территории страны, оказавшей им гостеприимство. Поскольку образ Европы с кальяном – это не журналистская страшилка, постольку био- и геополитика остаются все ещё актуальными.

Россия между Севером и Югом, Западом и Востоком. При обсуждении вопроса о выборе пути цивилизационного развития России следует учитывать географические, климатические и геологические особенности территории. Прежде всего, нуждается в осмыслении отношение её европейской и сибирской частей. С точки зрения периферии и регионов, идея России «москвоцентрична». Возможно, это утверждение верно для оценки государственного устройства. Но если посмотреть на экономику страны, легко убедиться, что на самом деле Россия «северо-сибироцентрична», имея в виду ресурсы и дороги. Если для России Сибирь – всего лишь регион, то с планетарной точки зрения она далека от Центра РФ, зато окружена территориями, с которыми связана экономически и гео-

графически. Согласно мнению сибирских исследователей, «большая Сибирь»: а) неисчерпаемая «кладовая», запас прочности и гарант устойчивости «экстенсивного развития» России, её геополитическая, геостратегическая и геоэкономическая «скрепа»; б) зона общих интересов немалой части Ойкумены, нетривиальная связка, интегратор не только самой России, но и остального мира. Сибирь – главный мировой поставщик экосистемных услуг [10]. Поэтому нужно говорить о российско-сибирской цивилизации. Наоборот, московские авторы считают, что «несмотря на невнятные попытки русских западников разделить Россию на части, обладающие разным культурным статусом, российское культурное пространство целостно, а Сибирь остается важнейшей культурной провинцией России» [11, 132].

Прошедшие десятилетия показали, что номосы Земли и Моря, Леса и Степи, о влиянии которых на развитие культуры писали русские географисты и К. Шмитт, уходят в небытие [12, 393]. Либеральная конверсия государства по формуле верховенства европейских прав человека ускоряет кризис самой Европы. Поток мигрантов заставил европейцев отречься от либеральных ценностей мультикультурализма и толерантности. Поэтому реанимировался прежний образ врага. Всё пошло по сценарию Шмитта, а не Хабермаса. Кроме того, контроль за медиумами коммуникации, управление идеями и желаниями посредством социальных сетей уничтожает другое и чужое ещё более эффективно, чем война. Не удивительно, что молодежные субкультуры противостоят превращению человеческой жизни в ресурсы экономики. Обсуждая вопрос, что делать, следует помнить о негативных последствиях реализации как либеральной, так и консервативной утопии. Признание конфликтности своего и чужого, отказ от абсолютизации той или иной идеологии в качестве универсальной необходимо дополнить разработкой эффективной стратегии, позволяющей минимизировать последствия, как ускоренной модернизации, так и традиционализма, играющего роль тормоза.

Философия – это не только рефлексия, но и иммунная система. Внешнее – это не просто чужое, но и условие существования

своего. Тем не менее вирусы чужого опасны. Для взаимодействия с ним необходим иммунитет, который вырабатывается посредством инфекций, с которыми организм может справиться безболезненно. Эта иммунологическая модель пригодна для понимания символических защитных систем, в том числе и для философии. Её назначение состоит в реконструкции национальной идеи, выражающей своеобразие культуры народа. Эта этнонарциссическая операция – необходимое условие самосохранения, важно, чтобы амбиции не были реализованы силой. Речь идёт о конкуренции, где каждый народ имеет право на самобытность и защищает свой путь самореализации. На этом пути возможно объединение. Например, сегодня у нас сложился союз независимых государств, евразийский союз, китайцы предлагают объединиться в «страны общей судьбы». В поисках экологически безопасного и человекообразного пути развития общества усилился интерес к традиционной культуре, основанной на адаптации к окружающей среде, способствующей сохранению родовых качеств человека. Поэтому Россия интересна не только как источник сырья, но и как уникальный цивилизационный проект, нацеленный на построение общества с «человеческим лицом».

Заключение. Европейские интеллектуалы-туристы XX в. в большинстве своём плохо разбирались в России. Для них она была перевернутая Европа, несбывшаяся мечта, как в Средние века мифическая страна пресвитера Иоанна на Востоке. Но как при Петре Россия не стала Западом, как она не считалась европейской страной при социализме, так она не стала ближе к Европе и при капитализме. Но и мы не далеко ушли в своем понимании Запада. Этого нельзя сказать про исследования, которые ведутся все более широко и интенсивно. Но чем больше мы знаем, тем меньше мы принимаем друг друга.

Не понимая, что мессианизм – обоюдоострый меч, современные создатели «русской идеи» актуализируют наследие Соловьева и Достоевского: «В духовном плане Россия выполняет задачу построения универсальной цивилизации, способной очистить человеческие отношения от эгоизма и материальных страстей на основе любви, мудрости и доверия» [13, 70]. На самом деле государ-

ственная политика должна строиться не на национализме, а руководствоваться более реалистичными практиками обменов и договоров, которые содействуют безопасности.

Российская интеллигенция обычно внимала не столько аргументам рассудка, сколько зову сердца, поэтому искала точку опоры в настроениях народа и доверяла им больше, чем собственным умозрениям. Сегодня её задача в том, чтобы служить зеркалом, в котором общество видит само себя, становится способным к самонаблюдению. Проблема в том, что мы не понимаем, в каком обществе мы живем. Отсюда мы не знаем, на что можно опереться в реализации наших идей. В этом нужно отдавать себе отчет, если не ограничиваться созданием очередной утопии, опережающей историю лет на триста. Философы по-прежнему спорят о приоритете силы и справедливости, равенства и элитарности, кооперации и конкуренции. С одной стороны, историю делают злые и сильные люди. Собственность стала мощным мотором развития. С другой стороны, справедливость тоже нельзя сбрасывать со счетов. Вопрос в том, можно ли освободиться от двузначной логики и совместить кажущиеся противоречивыми и исключаящими друг друга понятия. Если бинарное мышление непреодолимо, то нужно, по крайней мере, определить условия и место применимости этоса друга и врага. Универсального единства таким способом не достигнуть, зато можно мирно сосуществовать, уважая культуру другого.

Сегодня снова в моде сравнения общества с концентрационным лагерем [14], а также концепции, реанимирующие практики жертвоприношения и насилия [15]. На самом деле образ чужого претерпел глубокую трансформацию. Задача теоретиков — предсказать характер будущей конфронтации, а политиков — искать практические способы снижения конфликтности. Необходимо, во-первых, раскрыть трансформацию образа чужого в современных условиях, во-вторых, создать концептуальную модель позволяющую выстроить взаимовыгодные, добрососедские отношения между различными народами, живущими в непосредственной близости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Том 1. - М.; СПб.: Университетская книга. 2001. — 336 с.
2. Duerr H-P. Nacktheit und Scham. Der Mythos vom Zivilisationsprozess. Frankfurt am Main. 1994 — 2004. — 500 с.
3. Слотердайк П. Сферы. — СПб.: Наука. 2005. — 652 с.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? — М., СПб.: Алетейя, 1998. — 448 с.
5. Достоевский Ф. М. Полн. Собр. соч.: В 13 т. Т. 26. — Л.: Наука, 1972 — 1990. — 518 с.
6. Трубецкой Е.Н. Старый и новый национальный мессианиззм. Избранное. — М.: Канон, 1995. — 309 с.
7. Ницше Ф. Эссе Номо. Соч.: В 2-х т. Т. 2. — 759 с.
8. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. — М.: Книга, 1991. — 574 с.
9. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — Л.: Лениздат. 1989. — 496 с.
10. Калуцков В.Н. О москвоцентричности российского пространства // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. — 2018. — № 7. — С. 132-145.
11. Каганский В.Л. Пространство в теоретической географии школы Б.Б. Родомана // Известия РАН, сер. географ. — 2009. — № 2. — С. 32-41.
12. Шмитт К. Номос Земли. — СПб.: Владимир Даль, 2008. — 670 с.
13. Феофанов К.А. Спасение человечества как предназначение России // Социально-гуманитарные знания. — 2016. — № 6. — С. 67-72.
14. Агамбен Г. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. — М.: Издательство «Евropa», 2011. — 256 с.
15. Жирар Р. Насилие и священное. — М.: НЛО. 2010. — 448 с.

Boris V. Markov

**CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT IN RUSSIA IN THE
CONTEXT OF GEOPHILOSOPHY**

**St. Petersburg State University. 7/9 Universitetskaja naberechnaja,
St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: b.markov@spbu.ru.**

Annotation: History, culturology, and philosophy usually study the history of ideas, attitudes, beliefs or other achievements of the civilization process, such as scientific and technical discoveries. On the contrary, geographers and ethnographers offer to draw attention to the landscapes and natural factors, which is the condition for the survival of ethnic groups. With the aim of connecting these approaches, you can use the concept of «cultural landscapes» that add up as products of spiritual creativity in specific natural and climatic conditions, and is mediated by social, political, economical and technological developments of the process of civilization.

This raises the question of how to «external factors», such as the natural Wednesday, forms the internal-subjective reality (mentality) people? Today this problem has been observed in neuroscience. How to influence available measurable processes in the brain on the so-called «qualia», i.e., directly facing the State of consciousness. Most likely, you need to refrain from joyful speeches in the style of a geographical, economic and biological («brain») determinism. There is no denying the influence of external factors, it should be borne in mind that they define human consciousness very indirectly and more often than not just his simple acts.

Keywords: *ethnicity, geopolitics, geofilosofija, Eurocentrism, Orientalism, slavophilism, Eurasianism.*

REFERENCES

1. *Elias NO* prozesse zivilisazii. Sociogeneticheskie i psihogeneticheskie issledovanija [The process of civilization. Sociogenetic and psihogenetic studies] Vol. 1 «University book», Moscow-St. Petersburg, 2001. — 336 pp (in Russian).
2. *Duerr H-P.* Nacktheit und Scham. Der Mythos vom Zivilisationsprozess. Frankfurt am Main, 1994 — 2004. — 500 c.
3. *Sloterdijk P.* Sferi. [Sparen] «Nauka» ublishing, St. Petersburg, 2005. — 652 c.
4. *Deleuze G., Guattari F.* Chto takoe filosofija? [What is philosophy?] «Aletheia» Publishing, St. Petersburg, 1998. — 448 p. (in Russian).
5. *Dostoyevsky F.M.* Polnoe sobranie sochineni v 30 tomah [Full Collected Works in 30 Volumes], «Nauka» Publishing, Leningrad, Vol. 26, 1972—1990. — 518 p. (in Russian).
6. *Trubetskoy, E.N.* Starii i novii nacionalnii messianism [Old and new national messianism]. Favorites. «Kanon» Publishing, Moscow, 1995. — 309 p. (in Russian).
7. *Nietzsche F.* Ecce Homo [Ecce Homo]. Compositions. «Mysl» Publishing, Vol. 2, Moscow, 1990. — 759 p. (in Russian)
8. *Danilevsky N.J* Rossija i Evropa [Russia and Europe]. «Kniga» Publishing, Moscow, 1991. — 574 p. (in Russian).
9. *Gumilev L.N.* Ethnogenes i biosphere Zemli [Ethnogenesis and the biosphere of the Earth] — Leningrad State University Publishing, Leningrad, 1989. — 496 p. (in Russian)
10. *Kaluckov V.N.* O moskvozentrchnosti russkogo prostranstva [On moskvozentrchnosti Russian space]. Socio economic geography. Bulletin of the Association of Russian geographers-social scientists, 2018. — № 7. — 132-145 p. (in Russian).
11. *Kagansky V.L.* Prostranstvo v geograficheskoi schole V.V. Rodomana [Space in theoretical geography school B.B. Rodomana] Proceedings of RAN, Geographer, 2009. — N. 2. — P. 32-41. (in Russian).
12. *Schmitt K.* Nomos Semli [Nomos of the Earth]. «Vladimir Dahl» Publishing, St. Petersburg, 2008. — 670 p. (in Russian).
13. *Feofanov K.A.* Spasenie chelovechestva kak prednasnachenie Rossii [Rescue destiny of mankind as Russia] — Socio-humanitarian knowledge, 2016. — No. 6. — 67-72 p. (in Russian).
14. *Agamben G.* Homo sacer [Homo sacer]. «Evropa» Publishing, Moscow, 2011. — 448 p. (in Russian).
15. *Girard R.* Nasilie I svjschennoe [Violence and the sacred]. «NLO» Publishing, Moscow, 2010. — 448 p (in Russian).

Статья поступила в редакцию — 29.12.2019 г.